

„ВИДЕТЬ В МОРЕ ПАРУС...“

Первый концерт на нынешних гастролях был очень трудным. Непривычно огромный зал свердловского Дворца молодежи (всегда выступала в уютном, «обжитом» зале филармонии) — и зрители в этой громадине, конечно, не только «свои», есть и случайные, и не разглядеть в кажущемся со сцены совсем темном пространстве знакомых лиц.

«...И я с легким сердцем сменяю весну на взгляды твои», — пела актриса. Но не было и в помине этого «легкого сердца»: все — тяжело, все — драматично. Преодолевая зал, она преодолевала себя и меряла сцену шагами, как меряют комнату в глухие часы одиночества и отчаяния.

В привычном любимом облике ее проступали новые черты. Другая пластика: раньше — открытость, распахнутые руки, песню отпускала в мир, как птицу; сегодня — песня, как птенец-подранок, как еле теплящийся огонек свечки, билась в сомкнутых ладонях. Скрещенные руки словно прижимали песню к груди, словно пытались уберечь ее от какой-то беды.

«...В минуты музыки печальной я вспоминаю желтый плес». — пела актриса. Если раньше в каждом концерте главной была надежда на то, что «одной печалью станет меньше у кого-то, выходит, ровным счетом на свете будет больше радостью одной», то в тот первый вечер на смену ей пришло: «Люди, будьте серьезнее...». Не только утверждением красоты, добра создается гармония мира, но она невозможна без преодоления зла в человеке и вокруг него. Нужна драма борьбы мятежного Паруса — без нее не придет очищение, нужны эти «минуты музыки печальной».

Но разговаривали мы после другого концерта — большой зал был «завоеван», его громадность исчезла, и он уже не казался пустым и темным. Конечно, этот концерт был другим, счастливым, а начали вспоминать мы почему-то именно тот — первый, трудный... И разговор наш был, действительно, «вечерний» — за полночь.

— ...Светлов, Окуджава, Левитанский, Самойлов — мы привыкли видеть эти имена в Ваших афишах. Погостом появились — Лермонтов, Цветаева, теперь вот — Маяковский... «Как «приходят» к Вам поэты, какие еще встречи впереди?» — Лермонтовский «Парус» — это обретенное еще в детстве, сразу и навсегда, и переопенке не подлежит. Я росла не в музыкальной и не в театральной среде, воспитанием моего вкуса никто особенно не занимался. Мне нравилось то, что обычно нравится девочкам: оперетта, например. Те вещи, которые я сейчас прочту не могу слушать. Но — «белеет парус одинокий в

тумане моря голубом...» — строчки, очень давно полюбившиеся, остались.

Мой «Парус» с известным романсом имеет очень мало общего, только мелодическую основу. Когда я пою его, стараюсь хоть чуть-чуть приблизиться к тому лермонтовскому, мятежному состоянию. Иногда получается, иногда — нет, и тогда боюсь: вдруг уйдет Парус, вдруг потеряю, не увижу?..

Маяковский — меньше всего думала, что когда-нибудь буду произносить это имя в своих концертах. Мне подарили эти песни на день рождения. Да-да, для меня никто никогда не писал, то есть я и раньше работала над песнями вместе с компо-

зиторам, но не случалось, чтоб специально и только мне, и вот композитор Владимир Дашкевич принес в день рождения несколько циклов песен на стихи Маяковского, Тувима, Тютчева...

Песни Маяковского получают у меня только тогда, когда хорошо идет весь вечер. А вот Тувим, я чувствую, все время, — такой «мой»...

Тютчев... Пока — не знаю, пока — не, просто, здесь надо многое передумать...

Очень люблю песни Мусоргского и очень хочется их петь. Это — настоящее. Готовлю целое отделение, Мусоргскому посвященное.

В Польше от знакомства с тем, что делает на эстраде Эва Демарчик, родилось желание включить в программу песни на стихи Кишиштофа Бачиньского, польского поэта, погибшего в 24 года во время Варшавского восстания. У поляков очень сильно развито чувство трагичного, в творчестве Бачиньского это особенно слышится — как звенящая струна. Есть стихи, где ни слова о войне, но война через все стихотворение проходит такой тоненькой красной ниточкой, на каждом слове — пыль битвы. Может быть, скоро я буду это петь...

— Лена, Вы познакомились со своими поэтическими привязанностями, а есть ли на эстраде человек, вызывающий Ваше восхищение? Ваш идеал «шансонье»?

— Это Жак Брель. За несколько дней до нашего торжественного выпуска

(я заканчивала училище эстрады и цирка) в Театре эстрады, где и должно было это торжество состояться, шли концерты французского шансонье Жака Бреля. Имя мне незнакомое, но было любопытно. Меня отговаривали: «Это ужасно — это пот, это немислимая работа... Он работает, как вол!».. Но на концерт я все-таки пошла.

Слушала первые несколько его вещей и никак не могла в них «войти», а потом как-то вдруг нечаянно и бесповоротно заразилась. Действительно, я никогда не видела такой работы, такой самоотдачи — ни элемента притворства. Потрясение от искусства Бреля можно сравнить только, наверное, с потрясением от кадров хроники, от самой жизни.

Потом я очень боялась узнать о нем что-нибудь разочаровывающее. Так бывает иногда... Но Брель не только на эстраде личность. Он — человек очень неспокойный, любящий перемены, приключения, очень сильный и добрый. Вдруг он перестал петь, играл в театре — Дон-Кихота, снимался в кино, легал, плавал, жил на Таити. Говорят, сейчас он поет снова...

Мне кажется, Брель сродни Маяковскому: такой же огромный диапазон, человеческий, художественный, — от крика до удивительной, не знающей предела нежности.

И еще — личность уникальная — Леонид Енгибаров. Если хватит сил, обяза-

тельно сделаю программу, посвященную ему.

— Вы поете сейчас в концертах песню из нового фильма «Повесть о неизвестном актере» и как-то обмолвились, что снимались в нем. Это был Ваш дебют в кино?

— Дебют и очень большая, но не оправдавшаяся надежда. «Повесть о неизвестном актере» снимал режиссер, поставивший «Бумбараша», Н. Рашеев. «Бумбараш» в свое время меня поразило, и новый фильм тоже мог бы быть очень интересным — настоящей поэмой о театре. Мог, но не стал, хотя актерская группа была прекрасной: Козаков, Лебедев... Слишком многое изменилось по сравнению с первоначальным замыслом — и не по вине сценариста или режиссера, были трудности, привнесенные, нетворческие, но очень сказавшиеся на творческом результате.

В одном из эпизодов я читаю монолог Антигоны. Говорят, хорошо читаю, и мне казалось: хорошо. А потом смотрю: это такое «хорошо», когда уже плохо. Это должно быть прекрасно, чтобы «мурашки по коже» не исчезали, иначе — плохо.

— Лена, в этом все-таки есть какая-то «судьба», что Вы, мечтавшая в юности о театре, да и теперь — верно? — даже свою первую роль в кино сыграли в фильме о театре?..

— Пожалуй, действительно судьба... В Киеве, где проходили съемки, я познакомилась с Николаем Мерзлякиным, ведущим актером и режиссером Киевского ТЮЗа, и киноактером

тоже достаточно известным. В фильме я играю Антигону Софокла, а Коля предложил мне попробовать сыграть в театре Антигону Ануйя. Возможно, этот спектакль будет поставлен в одном из новых московских театров (сейчас в Москве рождаются один за другим такие театры на окраинах). Мне очень хочется попробовать...

Анатолий Васильевич Эфрос собирается каким-то образом со мной работать, но сейчас это только в моих мечтах. Мне все кажется: мимо идет поезд, и я вот-вот вскочу на его подножку, и поеду. Но пока — мимр идет.

— Вы не могли бы рассказать о самых сильных своих театральных впечатлениях последнего времени?

— Это опять-таки спектакли Эфроса. Валентин Гафт в «Отелло», или «Месяц в деревне» — спектакль, просто погружающий в свою атмосферу.

Это ребята из молодежного театра-студии Вячеслава Спесивцева — его мальчишки в «Ромео и Джульетте»: такой темперамент, накал, вера...

Это Инна Чурикова в «Иванове» в Театре имени Ленинского комсомола...

— Лена, некоторые песни в Ваших программах даже песнями не назовешь — это драматические монологи, не столько спетые, сколько сыгранные. Есть ли в Вашем «песенном театре» режиссер?

— К величайшему сожалению, нет. А нужно — очень. Работая на подсказках, советах друзей, интуиции. Интуиция может и подвести. Иной раз никак не

могу понять: что же все-таки не так? Это похоже на то, когда чувствуешь, что обувь жмет, что больно, а как переделать ее, чтоб была впору, не знаешь. Иногда просто смелости не хватает...

— Лена, последний вопрос о самой первой Вашей песне — о «Ветре». Почему она вернулась?

— «Какой большой ветер!» я спела впервые больше десяти лет назад. Этот первый «Ветер» я любила очень, неистово. Но с годами что-то ушло. Песню надо петь только тогда, когда она вдруг «застучится», как сердце, изнутри, когда вдруг ловишь себя на том, что она не оставляет. И вот, через десять лет, это снова случилось с «Ветром». Но теперь это другой «Ветер».

Разговор вела Е. ШАНШИНА. Снимок Н. Медведевой.

НА СМЕНУ г. Свердловск 16 ДЕК 1971